

Официантка из Майами

Перевод с польского Владимира Окуня

— **Н**ОМЕР телефона прямо на руке, ничего себе... — рас- смеялся мужчина, вызываяще глядя Лили в глаза. — Ну, знаешь ли, в ресторане такого разряда... — он не договорил. Ей захотелось отвернуться и уйти отсюда, просто идти и не слышать его голоса, ничего не слы- шать, но она лишь грустно улыбнулась и подала ему меню. Он долго молчал, и она начала декламировать: сегодня мы реко- мендуем рыбный суп халасле в горячем котелке и либамай¹, если угодно... — Он прервал ее. — Лимбай, а печенка там куриная или гусиная? — Гусиная! Со свежим майораном, пен- кой, взбитой из молока с лецитином, все слегка полито эссенцией². — Слегка? — Этот токай слаще меда и самый дорогой в... — она фыркнула, но быстро вернула на лицо веж- ливую полуулыбку. Он кивнул, затягиваясь сигаретой. Опять она позволила захватить себя врасплох. Сколько раз она уже слышала: “Ты провоцируешь и раздражаешь клиентов”. Шеф как-то отчитал ее, крича, что у него в “The Famous”³ едят самые

© ANNA AUGUSTYNIAK

© Владимир Окунь. Перевод, 2018

Рассказ публикуется с любезного разрешения автора.

1. Либамай — венгерский аналог фуа-гра. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

2. Токайская эссенция — густое и сахаристое вино, изготовленное особым образом.

3. “Знаменитость” (*англ.*).

богатые American Jews, Hungarian Jews¹, а свое прошлое ей пора оставить в прошлом. Пусть носит блузки с длинным рукавом.

В ту ночь она плакала. В белом двухэтажном доме, каких сотни на залитых солнцем улицах Майами, слышались рыдания.

— Pszt, kislány, egy pissenést se!², — прошептал кто-то по-венгерски, когда она застонала сквозь стиснутые зубы. — Csír...³ — уяснив предупреждение, она примолкла. И ощутила сильный удар металлическим штемпелем. Из штемпеля торчали иглы длиной в несколько миллиметров. Они сразу вспороли ей кожу. Становилось все больнее. Горела уже вся рука. Ни к чему было смотреть. Но она смотрела. На руке появилась различимая надпись А-10862. Жарко, жарко от стыда за то, что с ней делают. Не случилось такого, чтобы кто-то видел Лили раздетой. Когда у нее начались месячные, собрались тетки и кузины и объяснили ей: “Твое детство закончилось, ты выросла и стала одной из нас, тебе нужно прятать свою наготу до дня свадьбы”. А теперь все вокруг нее голые. Старые, молодые, толстые и жутко худые. Она не узнаёт ни одной из них, хотя здесь десятки женщин. Но даже в такой массе они кажутся беззащитными. Так сильно они унижены. Лили спрашивала себя, будут ли они сопротивляться, будет ли хоть одна из этих обнаженных женщин сопротивляться? Ее очередь. Мужчины кладут ее на две поставленные рядом табуретки и бреют по всему телу ржавой щербатой бритвой, сначала под мышками, потом на лобке и в паху. По коже, в разные стороны, текут струйки крови. Ей бреют голову машинкой. Полностью, под ноль. Неужели у нее такая же маленькая птичья головка, как вон у той и у этой, и еще у той и вот этой? Кто-то толкнул ее, и вот она лежит голая на куче волос, черных, седых, совсем светлых и таких пепельно-серых.

Лишь позже она увидела себя на снимке. Лили с обритой головой. Безволосая Лили в первом ряду, четвертая слева, в черно-сером платье, том самом, в котором она приехала, но уже без золотых сережек. Высокая, худенькая, со стройными икрами и маленькой, расцветающей грудью. Стоит, опустив плечи. На фотографии в альбоме, который она нашла, а может быть, его послало провидение, ей восемнадцать.

Макс Зельманович вернулся домой. Однажды он заметил Лили Якоб. Она брела по направлению к станции. В магазине ему сказали, что она постоянно туда ходит и часами ждет прибытия поезда. Как-то раз он пошел за ней. — Они не вернуться, —

1. Американские евреи, венгерские евреи (англ.).

2. Тише, девочка, не шуми! (венг.)

3. Щиплет (венг.).

прошептал он. — Почему ты так говоришь? — по-детски удивилась она. — Мои тоже не вернутся. Ни мать, ни жена... Она холодно взглянула на него, и то, что она процедила, звучало надменно: — Я вернулась. И они вернутся. — Лили! — вдруг рявкнул он так, будто она стояла не рядом, а где-то очень далеко, и он должен был призвать ее к порядку. — Ты знаешь, что с ними сделали? Их сожгли в печах или во рвах... — Я не хочу этого слушать, — крикнула она. — Уйди, уйди! — и начала танцевать. Она впала в транс, все вертелась и вертелась вокруг своей оси, а ее юбка поднималась и поднималась волнами, и ему казалось, что сама Лили вот-вот поднимется и улетит в небо, такой гибкой, словно тростинка, была она в этом вращении. Вскоре он снова ее увидел. Она шла в сторону станции. И на следующий день тоже. Вернулось десятка полтора человек из соседних сел, но не из их Билок¹. В конце концов, он стал ходить за ней, и они вместе ждали поезда, и в один из дней, когда, как обычно, никто не вышел, он мягко сказал ей: — Может, они и вернутся. И тогда она ответила: — Идем ко мне, я кое-что тебе покажу. По пути ему вспомнился последний праздник Шавуот². За большим столом из темного дуба они с отцом Лили ели рогалики с творогом, радуясь хорошим видам на урожай. Мартин сидел во главе стола, у окна. Макс отлично помнит это, ведь при каждом взгляде на Мартина у него по щекам сразу же начинали течь слезы. Все смеялись, и это было из-за солнца. Той весной солнце, как никогда, сильно слепило его. Огорошенный, он стоял на пороге: никакой мебели, лишь постель на голом полу. — Все разворовали, — бесстрастным голосом объяснила Лили. — Садись.

Невозможно, невыносимо, ужасно. Этот страшный альбом с толстыми кремовыми страницами, стянутыми тесьмой, завязанной на узел. Макс переворачивал страницу за страницей и смотрел на лица людей, которых знал всю жизнь, всю свою тридцатилетнюю жизнь. Раввин Цви Вайс... он бывал на каждой свадьбе, сосед Осия помогал отцу при выделке кожи, дородная тетка Таубе с четырьмя детьми, кузина Ханна. — Посмотри, вот этот с белой бородой, это дедушка Абрахам, узнаешь дедушку? — Ну, а как же, — воскликнул он. — Не он ли всякий раз встречал меня словами из псалма: “Господь наш всевышний хочет удачи слуге своему...” — Она потянула его за рукав. — Взгляни, Зелиг и Зрилу, мои младшие братишки, — она запнулась. — Мы вышли из вагона, и им, наверное, стало страшно, они остались позади... —

1. Билки — село на Подкарпатской Руси, оккупированной в 1939 г. Венгрией, а в 1944 — Германией.

2. Шавуот или Пятидесятница — праздник в иудаизме, связанный с дарованием евреям Торы на горе Синай.

Сесть в поезд — фото, выйти из поезда — фото, одни идут налево, другие направо, часть сидит под высокими березами — фото, фото, фото... Это похоже на подробный отчет о далеком путешествии жителей Билок, а что здесь написано? — спросил он. — Это, кажется, по-немецки. Лили, о чем тут речь? — Его взгляд стал серьезным. — О чем это все и откуда это у тебя? — Нашла, — опустила она голову. — Правда, нашла¹. Я болела тифом, тряслась от озноба... — она забормотала, как в бреду, — я искала в шкафу, чем укрыться, понимаешь, одеяло, свитер, что-нибудь в этом роде, и тогда выпал этот фотоальбом, я стала листать его и вдруг увидела почти всю свою семью, я думала, что у меня галлюцинации, что мной овладели демоны, что я во сне. Наконец, я потеряла сознание. Когда я очнулась и вновь увидела эти снимки, то уже знала: это благословение, чудо, это чудо, кричала я, сама не зная кому. В конце концов, я выбилась из сил. Проснулась на полу, с альбомом на животе, и в голове у меня шумело: мы столько времени не виделись, а тут они все и наше путешествие, мы тащим свой багаж и идем, и братья со звездами Давида на пальтишках, мы вместе с мамой их пришивали, и в черном платке бабушка Шнейделе, и я, еще полная жизни... вот, смотри, это я. — У Макса перехватило дыхание, он не мог произнести ни слова. Лили, моя Лили, ты коснулась непостижимого, думал он, глядя ее по голове. Твои волосы, у тебя выросли волосы!

Она варила бульон с морковкой, зеленым сельдереем и клецками. Клецки будут мягкие и пышные, она лишь капнула в них чуть-чуть растительного масла, иначе бы они стали жесткими. В последнее время она постоянно размышляла по поводу этого альбома. Ведь тогда она была похожа на скелет, сама не верила, что выживет. Большинство женщин из ее барака умерло. И все же она не позволила отобрать его ни американским солдатам, ни советским, никому. Правда, потом она продала несколько снимков за 10000 крон², чтобы у них было на что уехать. Выкопанных в сарае драгоценностей матери хватило лишь на первое время. — Поехали в Израиль, — убеждал ее Макс. — Поехали к своим, там мы будем в безопасности. Америка, свобода, Америка... С тех самых пор как Лили вернулась домой, она мечтала о свободе. Жаждала свободы! Когда они поселились во Флориде, и распространилось известие о том, что у Лили “те самые” фотографии, к ней стали приезжать

1. Альбом был брошен в казармах СС в Дора-Миттельбау (Тюрингия), и именно там Лили нашла его. Возможно, его первоначальным владельцем был Рихард Бауэр.

2. В 1946 г. Еврейский музей в Праге заплатил Лили за право сделать копии с фотографий из альбома.

евреи со всей Америки. Каждый хотел найти в альбоме своих родных¹. В молчании они рассматривали черно-белые снимки людей, которые не улыбаются. Людей, запечатленных на одно маленькое мгновение перед тем, как они исчезнут навсегда. Иногда раздавался крик. Эстер была уже большой девочкой, зато малышка Бонни сразу начинала громко плакать. Правда, мало кому удавалось отыскать на фотографии своего брата, мать или ребенка, но если это случалось, то крик проникал сквозь стены, проникал с этого света на тот или еще какой-нибудь другой. Соседи не переносили этих воплей. Поэтому они с Максом и дочерьми все время переезжали. Одна квартирная хозяйка в Хомстеде как-то спросила: — Это ваш номер телефона? — Лили замаялась, но все же решила расставить все по местам: — Да. Это именно мой номер телефона, номер тех, кто выжил в блоке ВПс, в том, вблизи лагерной кухни. Звонит телефон. Я говорю: “Алло?” и слышу: “Это Адольф Гитлер, вы еще там? Вы в Освенциме?”

— Я выступлю на телевидении, — пропела ему на ухо Лили. — Ты хочешь рассказать о...? — Макс удивился. В общем-то, он предпочел бы, чтобы она, наконец, забыла о тех временах. Он взял жену за руку. В любом случае он поддержит ее, как бы там ни было. — Я попала в “Королеву”, я выступлю в “Королеве на один день”! Не хочешь меня поздравить? — она вырвала руку и захлопала в ладоши. — Это та программа с тремя желаниями для золотой рыбки. — Она громко рассмеялась: — С одним... — и просто захлебнулась воздухом, так ей хотелось побыстрее все рассказать. — Ты высказываешь одно желание, а телезрители выбирают, которая из женщин станет королевой, и тогда... ее желание исполняется². Макс кивнул. Он знал все о желании Лили. О том, что она не хочет быть номером, выбитым на собственном теле, не хочет постоянно чувствовать себя хуже других, не хочет помнить, не хочет...

1. “Освенцимский альбом” авторства двух эсэсовцев, Эрнста Хофмана и Бернхарда Вальтера, содержит более двухсот снимков депортации венгерских евреев в конце мая — начале июня 1944 г. Он начинается с посвящения — “На память моей дорогой и незабываемой от всегда верного Хайнца”. Фотографии тематически сгруппированы, в том числе “Приезд”, “Селекция на платформе”, “Регистрация трудоспособных”, “Дезинфекция”, “Личные вещи и имущество”, “Нетрудоспособные женщины и дети”, “Дорожка к газовым камерам”...

2. 20 ноября 1958 г. в американском телевизионном шоу “Королева на один день” телезрители проголосовали за желание Лили Якоб Зельманович. Она сказала, что хочет удалить освенцимскую татуировку А-10862. И это произошло: ей сделали пластическую операцию. Это случилось за два месяца до ее тридцать третьего дня рождения. Один из клиентов ресторана в Майами, где она работала официанткой, подшутил над ней: “Эй, а где твой номер телефона? Ты что, стерла его?”.